

АРСЕНИЙ КРАЕВСКИЙ*

ПОНЯТИЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА**

Получено: 10.01.2025. Рецензировано: 08.02.2025. Принято: 14.04.2025.

Аннотация: В статье исследуется понятие публичной власти в философии права. Понятие власти (*potestas*) следует отличать от близких к нему понятий империя и авторитета, имеющих римское происхождение, а также от германского понятия господства. Если империй и господство являются видами власти, то авторитет исторически отражает аспект признания компетентности в принятии общезначимых решений, что предвосхищает более позднее понятие легитимности. В истории правовой и политической мысли можно выделить четыре основные концепции власти, делающие акцент на разных аспектах данного явления. Лежащая в основе классической публично-правовой догматики волевая теория, отождествляющая власть с волей, изначально базируется на перенесении христианского учения о церкви, управляемой Святым Духом, на государство и его правителя и предполагает априорное единство государственной воли. Психологическая теория власти, особый вклад в которую внесли представители Петербургской школы философии права, напротив, делает акцент на подчинении со стороны подвластных и мотивах их поведения. Социально-бихевиористская концепция, охватывающая много довольно разных подходов, трактует власть как социальный факт — отношение, в рамках которого одна сторона подчиняется другой. Юридическое понимание власти, в свою очередь, рассматривает власть как правовое (нормативное) явление. Автор полагает, что обозначенные им основные концепции власти отражают разные стороны данного социального явления и не являются взаимоисключающими. Для объяснения публичной власти как социального явления предлагается обратиться к существующей в российском правоведении концепции трех царств права. При таком понимании власть может рассматриваться как нормативное явление (совокупность уполномочивающих норм), психологическое явление (легитимность) и эмпирически воспринимаемое явление (фактическое поведение). Указанные уровни существования власти не просто существуют параллельно, а взаимодействуют между собой.

Ключевые слова: публичная власть, государственная власть, власть и право, волевая теория власти, психологическая теория власти, юридическая теория власти, полномочие, теория трех царств права.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-175-206.

*Краевский Арсений Александрович, к. ю. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), a.krajewski@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6112-7417.

**© Краевский, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Догма публично-го права в условиях постглобализации», поддержанного Российским научным фондом (№ 23–28–00973).

ВВЕДЕНИЕ

Понятие власти используется не только в юриспруденции, но и в других социальных науках, а также в психологии и философии¹. По этой причине исследования власти, даже если речь идет о попытке создания догматической правовой конструкции², почти всегда затрагивают междисциплинарную проблематику. Вместе с тем именно в юридической науке это понятие имеет особое значение, поскольку явления права и власти тесно связаны, а вопрос о характере данной связи и соотношении понятий права и власти — одна из классических проблем философии и теории права и государства.

Цель настоящего исследования заключается в сопоставлении основных подходов к понятию власти и формулировании теоретического понятия, которое могло бы быть совместимо с соответствующими идеями.

Прежде чем перейти к анализу существующих концепций власти, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

- (1) Следует отметить, что понятие власти является относительным, то есть указывает на сторону некоторого отношения (в философско-логическом смысле). Не существует власти как таковой, власть может быть только над кем-то или над чем-то, подчиняющимся ей. Поэтому при описании власти как явления уместнее говорить об отношении власти и подчинения (Филиппов, 2019: 143)³.
- (2) Слово «власть» часто используется в широком смысле способности воздействия, подразумевающей возможность осуществления власти над неодушевленными предметами («власть человека над природой»), над определенными аспектами собственной психики и т. д.⁴ Интересующее нас понятие власти является более узким

¹О подходах к данному понятию со стороны различных наук см.: Марей, 2019: 85–90; Марей, 2023. О современных социологических концепциях власти см.: Филиппов, 2019: 151–158.

²О подходах к понятию публичной власти в современной российской юридической науке см.: Турицын и Упоров, 2015; Упоров и Яблонский, 2021.

³Ср. также замечание А. Кожева: «Власть тем самым обязательно есть отношение (между действующей и страдательной сторонами); это, по сути своей, социальный (а не индивидуальный) феномен; чтобы имела Власть, необходимо по крайней мере двое» (Кожев, Руткевич, 2006: 17).

⁴Характерным примером широкого понимания власти является концепция Б. Рассела, определявшего власть как «производство задуманных следствий» (Рассел, Кралечкин, 2024: 46) и считавшего, что власть в своих многочисленных и переходящих друг в друга формах, к которым он относил «богатство, вооружения, гражданскую власть и влияние

и связано с отношениями, в которых одни люди подчиняются другим.

- (3) Существует ряд смежных понятий, и часть их нередко не ограничивается в русском научном и юридическом языке от понятия власти⁵. К их числу, в частности, относятся римское понятие империя (*imperium*), немецкое понятие господства (*Herrschaft*), а также еще одно римское по происхождению понятие авторитета (*auctoritas*).

Римские понятия власти (*potestas*) и империя (*imperium*) изначально обозначали два вида власти — гражданскую власть магистратов, с одной стороны, и «власть меча», относящуюся к области военного управления и уголовной юрисдикции, — с другой (Палиенко, 1903: 20; Дементьева, 2005)⁶, хотя в широком смысле *potestas* рассматривалась римскими юристами (D.2.1.3; D.50.16.215) в качестве родового понятия (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 188–189; Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2005: 510–511). В целом проблема разграничения данных понятий, как представляется, не актуальна за пределами исследования римской публично-правовой системы и отчасти — эволюции средневекового европейского права (Duguit, Laski & Laski, 1919: 2–10).

Широкое использование немецкого по происхождению понятия господства (*Herrschaft*) в научной литературе возводится (Гессен, 1897: 18; Еллинек, Гессен и Шалланд, 2004: 415) к трудам основоположника юридического направления в немецком государствоведении К. Ф. фон Гербера, понимавшего под господством специфическое публично-правовое волеизъявление, обусловленное государственной целью (Тарановский, 1904: 291). Г. Еллинек сближает господство с римским империем, предполагая безусловное повиновение властвующему и его способность принуждать

на мнение», должна рассматриваться в качестве фундаментального понятия социальных наук, аналогичного понятию энергии в физике (Рассел, Кралечкин, 2024: 22–23).

⁵Как справедливо отмечает А. В. Марей, «в русском языке понятие власти обладает весьма широким спектром значений, что делает разговор о нем более сложным. Единое конвенциональное определение власти, к которому обращались бы исследователи, желающие работать с ним, отсутствует, представители разных областей гуманитарного знания трактуют власть по-разному, зачастую *ad hoc*. Философы видят в нем одно, политологи и антропологи — другое, историки, как правило, третье, что в принципе заставляет задаваться вопросом о том, можно ли пользоваться понятием „власть“ как техническим термином при исследовании или следует предпочитать ему различные синонимы, определяемые каждый раз ситуативно» (Марей, 2023: 153).

⁶О нюансах соотношения терминов *potestas* и *imperium* см. также: Боден, Кривушин и Кривушина, 2021: 28–29; Кривушин и Кривушина, 2021: 204–205.

к исполнению (Еллинек, Гессен и Шалланд, 2004: 415), а Л. Дюги прямо отождествляет господство и империй (Дюги, Яценко и др., 2016: 36). У М. Вебера, напротив, господство не обязательно сопряжено с возможностью принуждения, а представляет собой «вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания» (Вебер, Беляев и др., 2016: 109; Вебер, Филиппов, 2019а: 404; Вебер, Беляев и др., 2019b: 17–29). Но в любом случае речь идет о понятии, видовом по отношению к понятию власти (*Macht*).

Еще одно понятие римского происхождения — авторитет (*auctoritas*), противопоставляется понятию власти (*potestas*), обозначая, по крайней мере изначально, личное качество человека, характеризующее, по выражению А. В. Марей, его способность «принимать направленные к общему благу решения за себя и за своих подвластных и нести ответственность за их последствия» (Марей, 2017: 42). Убеждение в наличии такой способности само по себе мотивирует следовать соответствующим решениям, при этом в качестве идеала рассматривается сочетание *auctoritas* и *potestas* в одном лице (там же: 42–43). В дальнейшем, уже в рамках западноевропейской политической философии, понятие *auctoritas* то приравнивалось к *potestas* (там же: 66–67), то вновь противопоставлялось ему, становясь прообразом понятия легитимности (там же: 84–85, 112–118).

С учетом отсутствия «единого конвенционального определения власти» (Марей, 2023: 153), в дальнейшем мы будем иметь в виду власть, существующую в рамках достаточно больших и сложно структурированных социальных групп⁷, связанную с возможностью принуждения, условно обозначая ее как «публичную власть». Такое понимание позволяет нам оставить за пределами рассмотрения кратковременные, нестабильные и спорные по своей природе отношения власти и подчинения, но при этом абстрагироваться от проблемы понятия государства и его отличий от других сложно-структурированных человеческих союзов (включая союзы догосударственные, альтернативные государству⁸ и автономно существующие в государстве), что было бы необходимо при

⁷Можно было бы также уточнить, что речь идет об организованных группах в смысле П. А. Сорокина (Сорокин, Краевский, 2018; Сорокин, 2019; Сорокин, Зюзов, 2022), но понятие организованной группы слишком сильно связано с его специфическим пониманием права и власти.

⁸Об исторически существовавших сложных обществах, предшествовавших государству и даже составлявших ему альтернативу, см.: Раннее государство..., 2006.

исследовании исключительно вопроса о понятии государственной власти⁹. Соответственно, понятие публичной власти в интересующем нас смысле близко к рассмотренным выше понятиям господства и империя.

Обращение к истории политической и правовой мысли показывает, что можно сформулировать несколько основных подходов к данному понятию, которые не являются в полной мере взаимоисключающими: волевой (метафизический), связывающий понятие власти с понятием воли; социально-бихевиористский, делающий акцент на самом факте подчинения одних людей другим; психологический, в центре внимания которого находится подчинение власти со стороны подвластных, и юридический (нормативистский), стремящийся представить власть как правовое (нормативное) по своей сути явление.

ВОЛЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ

Волевая (метафизическая, волонтаристская) концепция власти связывает понятие публичной власти с понятием воли. Воля в данном случае трактуется не в реально-психологическом, а в метафизическом (сверхчеловеческом) смысле — будь то воля суверена или государства в целом. Такое понимание власти преобладало в европейской политической мысли начиная со схоластики и вплоть до середины XIX в., сохранившись и в дальнейшем¹⁰.

Сама идея связи власти и воли имеет христианское происхождение¹¹. Если в центре внимания античных авторов находился разум, то христианские богословы, начиная по крайней мере с Оригена и блаженного Августина, ставили в центр мироздания божественную волю (Коркунов, 1894: 66–67). Однако еще большее значение имело неизвестное древней философии учение о церкви как человеческом союзе, управляемом не людьми, но Святым Духом (там же: 68). Пример непосредственной аналогии между волей Бога, управляющей церковью, и волей монарха,

⁹По этой причине в дальнейшем мы оставляем за рамками нашего исследования проблему соотношения понятий «публичная власть» и «государственная власть», активно обсуждаемую в российской научной литературе (Грачев, 2020; Давидов и Самойлок, 2020; Калугина, 2019; Самойлок, 2015). Мы, соответственно, исходим из того, что понятие публичной власти является родовым по отношению к понятию государственной власти.

¹⁰Происхождение и эволюция волевой теории власти была подробно исследована одним из ее известных критиков, Н. М. Коркуновым (Коркунов, 1894).

¹¹Нужно отметить, что христианское понимание власти, разумеется, не сводится к обозначению соответствующего волевого аспекта (см. Марей, 2019: 91–100).

управляющего государством, можно обнаружить в сочинениях крупнейшего средневекового схоласта Фомы Аквинского, пришедшего к выводу, что именно «воля движет разум и все силы души» (Фома Аквинский, Апполонов, 2007: 226). Отсюда следует и понимание закона как волевого установления — божественного или человеческого (Фома Аквинский, Апполонов, 2012: 362). В конечном счете отношение правителя и его воли к государству уподобляется отношению Бога и его воли к церкви, а воля, как источник действия, отождествляется с властью (Коркунов, 1894: 82).

Свое дальнейшее развитие волевая концепция власти получила в политических учениях Нового времени. И если для средневековой мысли на первом месте всегда была божественная воля, то теперь центральная роль в организации общества стала отводиться воле человека (там же: 84). В этом смысле весьма примечательно известное высказывание Т. Гоббса, согласно которому «верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа» (Гоббс, Гутерман, 2001: 8) государства-Левиафана. Центральным вопросом волевой теории становится проблема формирования единой воли политического целого из множества воль его граждан (подданных), решаемая, как правило, при помощи конструкции общественного договора, что особенно ярко проявляется в концепции Ж.-Ж. Руссо (Руссо, Хаяутин и Алексеев-Попов, 1969: 160–162). Как отмечает более поздний сторонник волевой теории, Г. В. Ф. Гегель, «заслуга Руссо состоит в том, что он определил в качестве принципа государства тот принцип, который не только по своей форме, но и по своему содержанию есть мысль, а именно само мышление, воля» (Гегель, Столпнер и Левина, 1990: 280).

Богословско-философская по своему происхождению волевая теория была в полной мере воспринята и юридической наукой (Коркунов, 1894: 97–130). При разработке догматики публичного права юридическая школа государствоведения, сыгравшая в данном процессе ведущую роль (Гессен, 1897: 25)¹², уделила много внимания вопросам, связанным с формированием государственной воли, и ее соотношению с волей отдельных государственных органов и должностных лиц (Краевский, 2024: 540–542). Центральным понятием догматической системы основателя

¹²Представление о ведущей роли данного направления в развитии догматики публичного права оспаривалось Ф. В. Тарановским, придававшим решающее значение судебной практике Рейхскамергерихта Священной Римской империи (Тарановский, 1904: VII–VIII), однако и он признает реформаторский характер данного направления, начиная с трудов К. Ф. фон Гербера (там же: 292).

данного направления, К. Ф. фон Гербера, стало понятие господства как специфического государственного волеизъявления, отождествляемого им с государственным властвованием (Тарановский, 1904: 291). Л. Дюги, существенно расходясь с немецкими государствоведами в вопросе о понятии государственного органа и его связи с понятием государства, тем не менее точно так же отождествлял суверенную власть с волей и называл ее источником всякой государственной деятельности (Дюги, Яценко и др., 2016: 168). В отдельных случаях, как, например, в концепции К. Шмитта, воля и власть как государственно-правовые понятия даже меняются местами в качестве определяющего и определяемого¹³. В целом для большинства представителей классического государствоведения характерно отождествление власти и воли, а также постулирование единой воли государства в качестве необходимого условия соответствующих догматических конструкций.

В конце XIX и первой половине XX в. волевая теория власти подверглась резкой критике со стороны ряда философов права, в первую очередь представителей психолого-реалистического направления Петербургской (Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий и др.) и Упсальской (А. Хэгерстрём, К. Оливекрона, А. В. Лундстедт) школ философии права. Сторонники психологического понимания власти обращали внимание на односторонний характер волевой теории (игнорирование подчиняющейся стороны) (Коркунов, 1894: 162–182; Оливекрона, Таранченко, 2009: 737), фиктивность единой государственной воли (Коркунов, 1894: 133–162; Петражицкий, 2000: 46–47, 73, 167, 232–241; Hägerström, 1953: 14–37) и антропоморфизацию государства (*ibid.*: 37–41).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ

Психологическая концепция власти появилась на рубеже XIX и XX вв. под влиянием позитивистской научной методологии, получившей распространение в социальных науках. Большой вклад в ее развитие внесли российские правоведы, представители Петербургской школы философии права — Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, Н. С. Тимашев и П. А. Сорокин. Другим важным направлением мысли стала

¹³Как отмечает немецкий государствовед и политический философ, «в противоположность простым нормам слово „воля“ обозначает актуально существующую власть как источник приказа. Воля экзистенционально представлена, ее власть или авторитет заключается в ее существовании» (Schmitt, Seitzer, 2008: 64).

развивавшаяся параллельно Упсальская школа, представленная А. Хэгерстрёмом и его учениками. Сторонники данного подхода, в свою очередь, разошлись во мнениях о связи права и власти — если для одних (Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Упсальская школа) власть представляла собой одно из правовых явлений, то другие (М. А. Рейснер, Н. С. Тимашев) противопоставляли данные феномены.

Несмотря на то что психологическая теория права в настоящее время отождествляется главным образом с концепцией Л. И. Петражицкого, психологическая теория власти впервые явным образом была сформулирована его предшественником по кафедре энциклопедии права Санкт-Петербургского университета, Н. М. Коркуновым¹⁴. Свою задачу ученый видел в формулировании такой теории власти, которая могла бы дать удовлетворительное и непротиворечивое объяснение всех фактов государственного властвования (Коркунов, 1894: 178). Таким требованиям, по мнению правоведа, отвечает понимание власти как силы, обусловленной сознанием зависимости подвластного (там же: 181). Власть конкретных лиц при этом может иметь разные фактические основания. Во многих случаях таким лицом будет субъект (индивидуальный или коллективный), которого можно считать лучшим истолкователем того интереса, с которым связана зависимость (там же: 186–187), то есть обладающий авторитетом в первоначальном, римском смысле. Однако причины подчинения могут быть и иными, например, подражание поведению окружающих или личное обаяние человека (там же: 187–188). С появлением правового регулирования отношений власти и подчинения именно правовые нормы начинают определять лиц, обладающих властью, как государственные органы (там же: 189–191).

Если для Коркунова психологическая теория власти была только элементом теории государства, то Петражицкий ставил перед собой задачу полного переустройства юриспруденции и даже других социальных наук на психологической основе. Именно его труды в первую очередь вдохновляли более поздних представителей Петербургской школы и стали своего рода стартовой точкой для последующей дискуссии о государстве, власти и праве. Суть психологической теории права заключалась в том, что право рассматривалось как явление индивидуальной психики, отождествлялось с особым рода эмоциями. Правовые

¹⁴Н. С. Тимашев полагал, что теория власти Коркунова была основана на идеях Д. Юма (Тимашев, Троцук, 2010b: 132–133), однако данная идея требует дополнительного обоснования, поскольку сам Коркунов прямо не ссылаясь на труды британского философа.

эмоции интерпретировались как вид этических эмоций, отличающихся от эмоций нравственных своим императивно-атрибутивным или предостаточно-обязывающим характером. То есть если нравственные эмоции представляют собой чувство обязанности совершить те или иные поступки, то правовые эмоции предполагают адресата исполнения обязанности, управомоченное лицо (Петражицкий, 2000: 64–65). Критикуя вслед за Коркуновым волевые теории власти, Петражицкий отмечает, что «власть есть не воля и не сила, вообще не нечто реальное, а эмоциональная проекция, эмоциональная фантазма; а именно, она означает особый вид приписываемых известным лицам прав» (там же: 167), иными словами, если абстрагироваться от психологической терминологии, отношения властвования можно определить как правоотношения,

состоящие в обязанностях одних (подвластных) исполнять известные или вообще всякие приказания других (наделенных властью) и терпеть известные или вообще всякие воздействия со стороны этих других; обязанности этого содержания закреплены за другими как их права (притязания на послушание и правомочия на соответствующие действия, например, телесные наказания, выговоры и т. п. по отношению к подвластным) (там же).

Петражицкому также принадлежит важная концепция организационной функции права, суть которой в том, что сама по себе государственная организация представляет собой правовое явление, основанное на потребности «в прочном и обеспеченном осуществлении атрибутивной функции системы правовых норм, наделяющих отдельных индивидов и их группы известными совокупностями личных и материальных благ» (там же: 181). Организационная функция права, создавая властную структуру, позволяет, по Петражицкому, удовлетворить следующие общественные и индивидуальные потребности: (1) в авторитетном и беспристрастном суде, (2) в социальном мире, (3) в гарантиях личной неприкосновенности в определенных пределах и (4) в унификации шаблонов поведения (там же: 181–183).

Свое дальнейшее развитие и социологическую интерпретацию теории власти Петражицкого получила в концепции самого известного из его учеников, социолога П. А. Сорокина. Разделяя представление Петражицкого о том, что феномен власти заключается в «убеждении, что определенное лицо или группа лиц имеют право на властвование [...] а граждане [...] обязаны подчиняться приказам и актам этих лиц» (Сорокин, Краевский, 2018: 611; Сорокин, 2019: 110; Сорокин, Зюзев,

2022: 113), Сорокин делает акцент на социологическом понятии организованной группы, все действия участников которой регламентированы правовыми нормами (Сорокин, Краевский, 2018: 600; Сорокин, Зюзев, 2022: 103–104).

Психологическая теория власти другого известного социолога, Н. С. Тимашева, предложенная в его ранних работах, сформировалась в большей степени под влиянием концепции Коркунова, в то время как с психологической теорией права Петражицкого исследователь скорее полемизировал (Тимашев, 2010а: 45). Соглашаясь с тем, что право и власть представляют собой психологические явления (но не индивидуально-психологические, а коллективно-психологические), Тимашев проводил между ними строгое различие, отождествляя их со специфическими «коллективно-психологическими атмосферами». Ученый выделял два базовых вида коллективно-психологических атмосфер — этическую и властную. Этическая атмосфера связана с нормами, указывающими правильное поведение, для действия которых необходимо их психологическое признание (Тимашев, 2016: 195), в то время как во властной атмосфере «мотивирующие суждения, исходящие от определенных членов социальной группы, становятся мотивами деятельности остальных ее членов независимо от непосредственной эмоциональной оценки ими последних» (там же: 197). Правовая же коллективно-психологическая атмосфера возникает при соединении этической и властной атмосфер, а именно — когда власть признаёт и поддерживает некоторую этическую норму (там же: 202–207). С точки зрения Тимашева, власть, в том числе государственная, может не поддерживать какую-либо этическую атмосферу, в таком случае правовой атмосферы нет, а сама власть имеет деспотическую форму (там же: 207). В поздних работах исследователя, которые мы рассмотрим далее, его теория власти претерпела заметные изменения.

Другую альтернативу психолого-правовой теории власти Петражицкого попытался сформулировать М. А. Рейснер¹⁵. Разделяя представления о праве как о явлении индивидуальной психики, правовед критикует

¹⁵Рейснер занимал особое положение в рамках Петербургской школы философии права. С одной стороны, он развивал идеи психологической теории права, фактически основываясь на трудах Петражицкого, преподавал с 1907 г. в Санкт-Петербургском университете. С другой стороны, он пытался отрицать свою связь с учением Петражицкого, пытаясь обосновать вторичность идей русско-польского правоведа по отношению к немецкому юристу XIX в. Людвигу Кнаппу, и искал дополнительную точку опоры в социальном учении Маркса и Энгельса (см. Поляков, 2007: 844–847).

теории власти Петражицкого и Коркунова, пытаясь разъединить понятия власти и права. Вместе с тем собственное представление Рейснера о власти нельзя назвать последовательным. С одной стороны, он в некоторой степени пытается возродить волевую теорию власти, отмечая, что власть властью «делает противопоставление двух воль, из которых одна целиком или в части отказывается от себя и становится орудием другой, безразлично от того, насколько точно соблюдает право повелевающая сторона» (Рейснер, 1918: XVII). С другой стороны, Рейснер подчеркивает ее фактический насильственный характер (там же: XVII), с третьей — признает корректность оригинальной теории Петражицкого, внося в нее поправку о том, что она представляет собой не теорию права, а теорию власти (там же: XVII–XX). В конечном счете в своих позднейших сочинениях правовед трактует смешение права и государства, в котором он ранее обвинял ряд правоведов, включая Петражицкого и Коркунова, как часть идеологии буржуазного государства, подменяющего идею справедливости, связанную с правом, идеей властного приказа (Рейснер, 1923: 8, 101–108).

Параллельно с Петербургской школой психологическую теорию права и власти развивали представители Упсальской школы философии права — шведский философ и правовед А. Хэгерстрём и его ученики. Право в их понимании также представляло собой психический феномен, в частности, обязанность связывалась ими с чувством внутреннего принуждения к совершению определенных действий (Hägerström, 1953: 127–128). К сожалению, шведские правоведы уделяли значительно меньше внимания понятию власти, чем их российские коллеги, причем делали это сознательно (Оливекрона, Таранченко, 2009: 737). Тем не менее можно констатировать, что их понимание права было близко к пониманию Коркунова, Петражицкого и Сорокина¹⁶. Как отмечает К. Оливекрона, «не существует такого явления, как обособленная „власть государства“» (там же), в реальной жизни существует лишь ряд должностей, занимаемых отдельными людьми. Власть при этом всегда обусловлена не силой властвующего, а подчинением со стороны подвластных, а простые властные отношения (психологические по своему характеру), как правило, содержат в себе элемент внушения (там же).

¹⁶ Данный вывод косвенно подтверждает К. Оливекрона, соглашаясь с критикой волевой теории власти со стороны Петражицкого и Сорокина, критикуя при этом концепцию Тимашева (Оливекрона, 2018: 387–417.).

В отличие от волевой теории, психологическая теория власти никогда не занимала господствующего положения в общественных науках, поэтому ее критика в научной литературе представлена не так широко. Тем не менее, обобщая замечания ее оппонентов, можно отметить два основных момента. Во-первых, психологическая теория, отвергая односторонний характер волевой теории, сама склонна обращать внимание лишь на одну из сторон властного отношения — на подвластных (Алексеев, 1894: 15–21). Второе замечание наиболее четко сформулировал еще один представитель Петербургской школы, Я. М. Магазинер, отметивший, что психологическая теория

правильно передает правовые представления, вызываемые в членах государственного союза фактом совместной жизни в государстве, но она строит государство не как факт, а как переживание гражданина, то есть подходит к государству с точки зрения идеалистической, а не реалистической. Справедливо, что она изучает не выдуманные психические явления, а действительно происходящие, но она заменяет реально существующие во вне условия и отношения реально существующим же представлением о них; она изучает не самые отношения, а их образ в психике человека (Магазинер, 1922: 2–3).

СОЦИАЛЬНО-БИХЕВИОРИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ

Концепция власти, которое мы условно обозначаем как «социально-бихевиористскую», получила распространение в середине XIX в. по мере развития социологии и отделения государственно-правовой науки от политической философии. Ее отличительная особенность в том, что она делает акцент на самом отношении власти и подчинения как наблюдаемом факте общественного поведения, не пытаясь найти универсальной причины его возникновения. Такое понимание власти можно найти у многих социологов, а также у целого ряда представителей правового этатизма (как исторической формы юридического позитивизма) в юриспруденции. В качестве одной из возможных причин распространения такого подхода можно назвать идеи научного позитивизма, считавшего задачей науки не постигнуть суть явлений, а описать их¹⁷.

¹⁷Ср.: «Основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова — простым исследованием законов, то есть постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, — мы можем действительно знать только различные взаимные связи,

Классическая форма рассматриваемой теории представлена в сочинениях основоположников британского юридического позитивизма, например, Дж. Остина, в свою очередь, во многом вдохновлявшегося идеями И. Бентама (Bentham, 1891: 136–152). Исходным для Остина является понятие независимого политического общества, которое определяется через два признака: (1) подчинение большинства членов общества одному конкретному руководителю (отдельному человеку или группе людей) и (2) отсутствие у соответствующего руководителя привычки подчиняться какому-либо другому руководителю (Остин, Корженяк и др., 2022: 276). Не пытаясь выявить сущность власти, Остин формулирует данное отношение следующим образом:

Другие члены общества подчиняются этому определенному руководителю; или же другие члены общества зависят от этого определенного руководителя. Положение других членов общества по отношению к этому определенному руководителю — это состояние подчинения или зависимости. Взаимные отношения, которые существуют между этим руководителем и ними, можно назвать отношениями суверена и подданного или отношениями суверенитета и подчинения (там же: 277).

Впрочем, Остин не отказывается от поиска причин возникновения указанной привычки подчинения и приходит к выводу, что для разных обществ данные причины различаются. Для обществ образованных привычка повиновения проистекала бы из соображений общей пользы, убеждения в необходимости подчиняться эффективной власти при совершенном правлении или опасения вызвать большее зло своим сопротивлением при несовершенном правлении (там же: 377–378). Для реальных, не вполне просвещенных обществ такая привычка только частично основывается на приведенных утилитарных соображениях, к которым добавляются факторы обычая и предрассудков (мнений, не основанных на общей пользе) (там же: 378–379).

К числу мыслителей, вдохновлявшихся концепцией Остина, относятся и многие русские ученые, в частности, Г. Ф. Шершеневич (Шершеневич, 2016: 178–204) и В. Д. Катков (Катков, 1901: 38–41), однако значительно дальше английского правоведа пошел «поздний» Н. С. Тимашев. Феномен власти социолог связывает с поляризацией социальной группы между двумя элементами — активным (властители) и пассивным (подчиненные) (Тимашев, 2010а: 133; Тимашев, Антонов и Мокшанцев,

свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования» (Конт, Шапиро, 2003: 73–74).

2021: 190–191). Первичные отношения власти и подчинения основаны на естественной предрасположенности одних личностей к властвованию, а других к подчинению, однако по мере развития властных структур в их основу закладываются иные критерии (Тимашев, Троцук, 2010b: 133–134; Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 191–193). Тимашев полагает, что властное отношение может исследоваться с двух точек зрения — интроспективной и бихевиористской. Интроспективный взгляд обращает внимание на предрасположенности сознания властвующих и подвластных, возникающие у соответствующих субъектов эмоции и мотивы (Тимашев, 2010a: 134–135; Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 196–199). С бихевиористской точки зрения «истинное властное взаимодействие — то, где межличностные отношения превращаются во взаимозависимость по критерию власти и акты подчинения, первоначально добровольные, становятся привычкой, автоматической, заученной и непреложной поведенческой практикой» (Тимашев, 2010a: 136; Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 199–205), даже системой условных рефлексов (Тимашев, 2010a: 139).

Широкую известность получил вариант рассматриваемой теории, представленный в трудах немецкого социолога М. Вебера. Термин «власть» используется им в широком смысле «любой вероятности реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы такая вероятность ни основывалась» (Вебер, Беляев и др., 2016: 109; Вебер, Филиппов, 2019a: 404), сам ученый называет его «социологически аморфным» (Вебер, Беляев и др., 2016: 109; Вебер, Филиппов, 2019a: 405) в том смысле, что основания такой вероятности могут быть весьма различны. К интересующему нас понятию публичной власти ближе используемое им и упоминавшееся нами ранее понятие господства, связанное с вероятностью повиновения приказу (Вебер, Беляев и др., 2016: 109; Вебер, Филиппов, 2019a: 404–405). Отличие господства, осуществляемого в государстве, от более простых моделей властных отношений, которые, например, могут реализоваться в семье, заключается в наличии штаба управления — группы людей, действия которых специально направлены на осуществление господства властвующего субъекта (Вебер, Беляев и др., 2016: 92–93, 109–110, 252; Вебер, Филиппов, 2019a: 375–376, 405–406). Способ, которым данный штаб осуществляет управление, и его состав, в свою очередь, во многом зависят (Вебер, Беляев и др., 2016: 110) от основания легитимности господства, которое также является и его самооправданием (Вебер, Беляев и др., 2019b: 29). Вебер при этом различает два вида властных отношений:

(1) отношения между господствующим и подчиняющимся ему штабом и (2) отношения между господствующим и подданными. Понятие легитимности характеризует отношения второго типа, в то время как основания подчинения господствующему со стороны штаба Вебер описывает через сочетание четырех выявленных им общих типов ориентации социального действия — целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного (Вебер, Беляев и др., 2016: 84–86), которые сами по себе дополняются верой в легитимность (там же: 252–254; Вебер, Филиппов, 2019а: 27–29). Социолог выделяет три типа основания легитимности — рациональное (легальное), традиционное и харизматическое, при том что в реальной общественной жизни одно основание не исключает другие (Вебер, Беляев и др., 2016: 254–255).

Одна из важных проблем, с которой так или иначе сталкивались представители рассматриваемой теории власти, заключается в соотношении власти и права, в особенности государственного права. Как соотносятся властные отношения и правовые нормы, определяющие компетенцию государственных органов? Наиболее последовательный и радикальный ответ на этот вопрос был дан Шершеневичем, по мнению которого государственная власть первична по отношению к праву, а нормы государственного права соблюдаются властными органами исключительно из соображений целесообразности и стремления учитывать интересы подданных (Шершеневич, 2016: 271–276). Такой подход, однако, ориентируется на представление о властной структуре как о едином субъекте в духе рассмотренной нами ранее волевой теории¹⁸. Большинство представителей социально-бихевиористской концепции, однако, считали необходимым разграничивать два разных вида властных структур — правовые и доправовые (деспотические). Власть рассматривается как изначально фактическое явление, которое со временем становится правовым. В результате в современном правовом государстве право и власть тождественны (Магазинер, 1922: 131–132). Как писал Г. Еллинек, «превращение власти государства, первоначально повсюду фактической, в правовую всегда обуславливалось тем, что присоединялось убеждение в нормативном характере этого элемента, что должно быть так, как есть» (Еллинек, Гессен и Шалланд, 2004: 341). Тимашев трактует данный процесс немного иначе, связывая юридизацию государственной власти с процессом ее усложнения и деперсонализации.

¹⁸Похожую позицию отстаивал также Б. де Жувенель (Жувенель, Гайдамака и Матешук, 2011: 148–149).

Обезличивание властных структур создает необходимость установления определенных общих принципов организации и осуществления власти, к числу которых часто относится и идея справедливости, благодаря чему властные приказы приобретают признаки этических норм, то есть права в понимании Тимашева (Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 226–234). Вебер, в свою очередь, также отмечает, что современные государства основаны преимущественно на легальном типе господства с бюрократическим штабом управления, базирующемся на формально абстрактных правовых нормах (Вебер, Беляев и др., 2016: 256–264; Вебер, Беляев и др., 2019b: 404–406).

Основное возражение против социально-бихевиористского подхода заключается в предполагаемой критиками неудовлетворительности и непоследовательности решения проблемы соотношения власти и права, сложности формулирования чисто социальных (социологических) критериев, отличающих публичную власть от иных форм власти (власти в более широком смысле).

Так, например, концепция Остина о власти как привычке подчинения не отвечает на вопрос, что происходит после смерти суверена — старому суверену подчиняться уже невозможно, а подчинение новому не может объясняться привычкой, поскольку она не могла успеть сформироваться (Харт, Афонасин и др., 2007: 58–67). Более тонкая теория власти Тимашева в конечном счете признаёт, что любая властная структура базируется на системе правил («эффективных нормах властвования»), определяющих властную иерархию (Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 244), хотя и считает их правовыми не во всех случаях, исходя из своего достаточно узкого понимания права (там же: 233–242, 245)¹⁹. Предполагаемое ученым принципиальное разграничение правовой и деспотической властных иерархий, как и норм, на которых они основаны, представляется довольно проблематичным (Оливекрона, 2018: 412–414). Как пишет К. Оливекрона,

Тимашев подчеркивает [...] что каждая властная структура, такая как государство, представляет собой иерархию; но иерархия всегда устроена в соответствии с правилами, определяющими отношения между лидерами и подчиненными. Таков, очевидно, случай государственной организации; однако

¹⁹Тимашев при этом признает, что вопрос о правовом или неправовом характере таких правил имеет во многом терминологический характер (Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 238).

правила построения и функционирования этой организации — это именно те правила, которые мы объединяем как право (Оливекрона, 2018: 412–413).

Подобное удвоение сущностей можно обнаружить и в концепции Вебера — разделяя и в известном смысле противопоставляя понятия права (правового порядка) и господства, социолог вынужден вводить параллельные понятия штаба принуждения (для права) (Вебер, Беляев и др., 2016: 92–93) и штаба господства, легитимности правового порядка (там же: 92–96) и легитимности власти и т. д. Необходимость нормативных (то есть юридических) критериев для идентификации государства и его органов хорошо иллюстрируется мысленным экспериментом Г. Кельзена. Как отмечает австрийский правовед, даже если допустить существование чисто социологического критерия идентификации правителя государства, исследование реального социального поведения, вероятно, выявит многочисленные зависимости такого правителя от других людей — его советника, любовницы или камергера, предписаниям которых он следует. Однако исследование таких отношений игнорируется социологией государства, поскольку и она предполагает нормативную основу властной организации (Kelsen, 2005: 187)²⁰.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ

В юридическом понимании власть рассматривается как правовое (нормативное) явление. Элементы данной концепции можно обнаружить и у авторов, принадлежащих к трем перечисленным ранее подходам. отождествление власти и прав властвования (полномочий), то есть нормативно определенной возможности совершения волевых актов, порождающих права и обязанности²¹, можно обнаружить уже у античных авторов²² и у следующих за ними авторов Нового времени (Боден, Кривушин и Кривушина, 2021: 28–37). Как уже отмечалось ранее, ряд сторонников психологического понимания власти (Петражицкий, Сорокин, Оливекрона и др.) рассматривали власть (во всяком случае,

²⁰Стоит, впрочем, отметить, что вопрос о такой *potestas indirecta* поднимается в политической философии (Шмитт, Филиппов, 2016: 415–432).

²¹Понятие полномочия и связанное с ним понятие компетенции, безусловно, требуют отдельного исследования, выходящего за рамки целей настоящей статьи.

²²Так, например, римский юрист Ульпиан (D.2.1.3) связывает понятия власти (империя) и юрисдикции (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 188–189). Как отмечает А. В. Марей, особенность римского понимания власти заключалась в том, что она «виделась не неким самостоятельным феноменом или сущностью, а скорее набором полномочий, определенных действующим правом» (Марей, 2019: 92).

публичную) и право как один и тот же феномен. Многие сторонники ее социально-бихевиористского понимания отмечали, что в современных государствах власть становится юридическим явлением. Тем не менее в наиболее последовательном виде данная идея нашла свое выражение в нормативистских правовых концепциях XX в., в частности, в чистом учении о праве Г. Кельзена и более поздних юридико-нормативистских теориях (А. Росс, Г. Л. А. Харт, Е. В. Булыгин и К. Э. Альчуррон и др.).

Сама по себе власть (в широком смысле) трактуется Кельзеном как фактическое отношение, в духе социально-бихевиористской теории (Кельзен, Антонов и Лезов, 2015: 354; Kelsen, 2005: 186–188). Вместе с тем существенное отличие чистого учения о праве от упомянутой концепции проявляется в вопросе о связи права и власти.

Право трактуется ученым как иерархический социальный порядок (нормативная система), нормы которого устанавливают акты принуждения (Кельзен, Антонов и Лезов, 2015: 46–50). Нормы права характеризуются при помощи таких категорий, как действительность — актуальное существование, предрасположенность к реализации, и действенность — фактическая реализация нормы, ее эффективность. При этом если действительность нормы — это характеристика абсолютная (норма либо действительна, либо нет), то действенность нормы — относительная характеристика, поскольку нормы всегда реализуются в некоторой степени. Действительность и действенность также характеризуют правовой порядок в целом. Взаимоотношение действительности и действенности норм является достаточно сложным — норма приобретает действительность в момент установления (включения в нормативную систему), получая ее от нормы, на основании которой она принимается, но теряет свою силу в случае неисполнения и неприменения (отсутствия действенности). То же самое верно и для права в целом, с той разницей, что основанием действительности нормативной системы является гипотеза основной нормы (там же: 240–256, 260–269)²³.

Социологическое описание государственной (публичной) власти как простого наблюдаемого факта невозможно, акты власти и подчинения в данном случае являются регулярными и нуждаются в нормативной интерпретации для своего объяснения и отделения от иных фактических актов (Kelsen, 2005: 186–188). Публичная власть с точки зрения

²³Подробнее о теории действительности и действенности (и ее эволюции) в чистом учении о праве см.: Три царства права..., 2023: 471–489.

чистого учения о праве является частью ступенчатой структуры правопорядка. Властные полномочия ее органов — часть действительных в данном правопорядке уполномочивающих норм, в то время как публичная власть в фактическом смысле представляет собой реализацию данных норм, их действенность. Право, таким образом, являет собой организацию власти (Кельзен, Антонов и Лезов, 2015: 354–355; Kelsen, 2005: 120–121, 187–188).

Юридическая и в особенности нормативистская интерпретация власти критиковалась различными авторами в основном с двух разных позиций. Первое направление критики исходило из представления об имманентной связи права и справедливости или идеи справедливости, соответственно, такой подход требовал проведения различия между правовой и деспотической (несправедливой) властью в духе естественно-правовой теории или хотя бы в смысле теории Тимашева (Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 233–242). Такое возражение, однако, связано не столько с понятием власти, сколько с понятием права. Другого рода критика связана с позицией, которую можно назвать институционалистской, чьи сторонники при объяснении общественных явлений делают акцент на понятии института как определенной организации (порядка взаимодействия) в социальной группе (Ориу, Пашуканис и Челябинов, 2013: 82–83). Для «старых» юридических институционалистов (М. Ориу, С. Романо, К. Шмитт и др.)²⁴ институты представляли собой определенную социальную реальность, по отношению к которой нормы существовали сами по себе либо даже были вторичны (Три царства права..., 2023: 439–440), что нашло свое крайнее выражение в антинормативистском противопоставлении правовых норм (закона) и конкретного порядка у К. Шмитта (Шмитт, Кильдюшов, 2013: 312–322)²⁵. Новые

²⁴О старых и новых юридических институционалистах см.: Три царства права..., 2023: 297–453.

²⁵Как полемически замечает немецкий юрист: «Ведь закон не может сам себя применять, использовать или исполнять; он не может ни интерпретировать себя, ни определять или санкционировать; он также не может — оставаясь при этом нормой — называть или назначать конкретных людей, которые должны его интерпретировать и применять. Независимый, подчиняющийся исключительно закону судья также есть не нормативистское понятие, а понятие порядка, компетентная инстанция, звено в системе определенного порядка должностей и ведомств. То, что компетентным судьей является именно это конкретное лицо, вытекает не из правил и норм, а из конкретной организации суда и конкретных персональных назначений и приглашений на должность» (Шмитт, Кильдюшов, 2013: 316). О концепции права как конкретного порядка у Шмитта см.: Три царства права..., 2023: 324–356.

институционалисты (О. Вайнбергер, Н. Маккормик и др.), признавая нормативную основу любого институционального порядка (MacCormick, 1999: 22–23; Weinberger, 1991: 163–172, 178–185), отрицают такое противопоставление, однако отмечают, что цели деятельности властных органов определяются не нормативной рамкой, в пределах которой они действуют, а иными факторами — политическими программами, личными амбициями политиков и т. д. (MacCormick, 1999: 25). При этом в реальной властной деятельности всегда в той или иной степени встречаются отклонения от регламентирующих ее норм (ibid.: 25–26).

ТРИ ЦАРСТВА ПРАВА И ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ

Четыре рассмотренные нами концепции власти нельзя назвать полностью взаимоисключающими, скорее каждая из них делает акцент на разных аспектах этого сложного явления. Волевая теория подчеркивает значение властвующего субъекта и его решений, психологическая теория, напротив, — роль подчиняющихся субъектов и мотивов их поведения. Социально-бихевиористская теория находит необходимый баланс, концентрируясь на самом отношении власти и подчинения, в то время как нормативистская теория подчеркивает нормативное основание государственной (публичной) власти.

Для более полного и при этом последовательного объяснения публичной власти нам представляется целесообразным обращение к концепции трех царств права (Три царства права..., 2023: 556–588), которая, в свою очередь, базируется на философской концепции трех миров К. Поппера (Поппер, Лахути, 2002; Поппер, Журавлев, 2008) и трех царств Г. Фреге (Фреге, Бирюков, 2000а; Фреге, Бирюков, 2000b). Суть рассматриваемой юридической теории заключается в том, что правовые нормы существуют одновременно в трех измерениях реальности, или «мирах», по Попперу.

- (1) В мире 3 (третьем царстве), представляющем собой объективированный результат мыслительной и языковой человеческой деятельности. Здесь нормы представлены в своем знаковом выражении и вариантах его интерпретации. К этому же уровню относятся их смысловая взаимосвязь — система норм. Существование норм в мире 3 может быть соотнесено с их идеальной действительностью.
- (2) В мире 2 (втором царстве), реальности индивидуальной человеческой психики. К этому уровню относится субъективное восприятие

норм, правовые эмоции, правовое чувство и т. д. Существование норм в мире 2 может быть соотнесено с их легитимностью.

- (3) В мире 1 (первом царстве), мире физическом, которому также соответствуют доступные внешнему наблюдению человеческие действия. Сюда относятся фактические, внешне наблюдаемые действия, представляющие собой реализацию норм. Существование норм в мире 1 может быть соотнесено с их действительностью (Три царства права..., 2023: 568–572).

Важно отметить, что нормы не просто параллельно существуют в трех мирах (хотя, как правило, именно это и происходит): три «царства» права взаимодействуют между собой. Так, например, принятый законодательный акт вначале появляется в мире 3 как текст закона, затем воспринимается индивидуальной психикой субъектов права, которым он адресован, а уже затем находит свое выражение в их фактическом поведении (там же: 574)²⁶.

Публичная власть в таком ракурсе также может рассматриваться как явление, существующее в трех царствах — идеально-нормативном, психическом и поведенческом. В первом модусе власть — это следующая из правовых норм совокупность полномочий соответствующего лица или группы лиц (органа власти) и соответствующие им обязанности подчинения со стороны подвластных. Во втором модусе власть представляет собой отражение (или эмоциональную проекцию в терминологии Петражицкого) совокупности индивидуально-психологических установок подчинения органам власти, воплощающихся в наблюдаемом фактическом поведении — исполнении властных требований²⁷, которое, наряду с соответствующими императивами, составляет властное отношение в третьем модусе. Общее (интегрированное) понятие публичной власти в таком случае представляет собой предрасположенность к выполнению актов воли соответствующих властных инстанций, базирующуюся на

²⁶См. также более сложные примеры взаимодействия трех царств права при образовании обычая, революционном изменении правопорядка и существовании правового института (Три царства права..., 2023: 573–581).

²⁷Здесь нужно отметить, что сами по себе властные требования, так же как и многие акты подчинения им, не могут быть описаны неким физикалистским языком и требуют интерпретации, которая относится к мирам 2 и 3. Условный наблюдатель, чтобы сделать вывод о соответствии того или иного видимого им поведения властному предписанию, должен по меньшей мере установить внутренний смысл такого предписания, что признаётся и теми авторами, которые выделяют бихевиористский аспект власти, как, например, Тимашев (Тимашев, Антонов и Мокшанцев, 2021: 199–205).

действующей правовой системе, и может быть соотнесено с системной действительностью уполномочивающей нормы²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в истории правовой мысли представлено четыре основных подхода к понятию власти. Первая концепция, волевая теория власти, имеет теологическое происхождение, перенося представление о божественной воле, управляющей церковью, на волю правителя государства. Такое понимание власти делает акцент на властном субъекте и предполагает единство правящей воли. Вторая, психологическая теория власти, напротив, сосредоточена на подчинении подвластных и мотивах их поведения. Третья, социально-бихевиористская концепция, трактует власть как фактическое отношение, рассматривая право и власть как самостоятельные явления. Четвертая, нормативистская теория считает публичную власть юридическим явлением, подчеркивая ее необходимое нормативное основание. Все перечисленные концепции обращают внимание на разные стороны одного сложного социального явления и в этом смысле скорее дополняют, чем исключают друг друга. Для более полного описания данного явления представляется целесообразным обратиться к теории трех царств права, которая позволяет исследовать его с точки зрения взаимодействия трех «царств» реальности — идеального, индивидуально-психологического и физически-наблюдаемого — и соотнести понятие публичной власти с действительностью уполномочивающих норм.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. — М. : Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894.
- Боден Ж. Метод легкого чтения историй. В 3 т. Т. II. Об устройстве государств / пер. с лат. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной. — М. : ВШЭ, 2021.
- Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология / под ред. Л. Г. Ионина ; пер. с нем. А. Н. Беляева [и др.]. — М. : Высшая школа экономики, 2016.
- Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Власть и политика : пер. с нем. / под ред. А. Ф. Филиппова. — М. : РИПОЛ классик, 2019а. — С. 327–410.

²⁸О системной действительности см.: Три царства права..., 2023: 587–588.

- Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 4. Господство / под ред. Л.Г. Ионина ; пер. с нем. А.Н. Беляева [и др.]. — М. : Высшая школа экономики, 2019b.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.
- Гессен В.М. Юридическое направление в государственном праве. — СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1897.
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана. — М. : Мысль, 2001.
- Грачев Н.И. Публичная власть как политико-правовая категория : понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 4. — С. 8–18.
- Давидов Д.С., Самойлюк Р.Н. Исследование соотношения понятий государственной и публичной власти // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 1. — С. 18–21.
- Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики : содержание понятия *imperiū* // Вестник древней истории. — 2005. — № 4. — С. 46–75.
- Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 1 / пер. с лат., под ред. Л.Л. Кофанова. — М. : Статут, 2002.
- Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 7. Полутом 2 / пер. с лат., под ред. Л.Л. Кофанова. — М. : Статут, 2005.
- Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. с фр. А. Ященко, В. Краснокутского, Б. Сыромятникова. — М. : Инфра-М, 2016.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве / пер. с нем., под ред. В.М. Гессена, Л.В. Шалланда. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
- Жувенель Б. де. Власть : естественная природа ее возрастания / пер. с фр. В.П. Гайдамаки, А.В. Матешук. — М. : ИРИСЭН, 2011.
- Калугина Н.В. К вопросу о соотношении понятий государственной и публичной власти // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 5–1. — С. 189–191.
- Катков В.Д. Наука и философия права? — Берлин : Издание книжного магазина Штура, 1901.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. — 2-е изд. — СПб. : Алф-Пресс, 2015.
- Кожев А. Понятие Власти / пер. с фр. А.М. Руткевича. — М. : Праксис, 2006.
- Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / пер. с фр. И.А. Шапиро. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2003.
- Коркунов Н.М. Указ и закон. — СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1894.
- Краевский А.А. Понятие государственного органа как теоретико-правовая и юридико-догматическая проблема // Правоведение. — 2024. — Т. 68, № 4. — С. 536–550.

- Кривушин И. В., Кривушина Е. С.* Комментарии // Метод легкого чтения историй. В 3 т. Т. II. Об устройстве государств / Ж. Боден ; пер. с лат. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной. — М. : ВШЭ, 2021. — С. 139–515.
- Магазинер Я. М.* Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918–1922 г. — 2-е изд. — Петроград : Кооперация, 1922.
- Марей А. В.* Авторитет, или Подчинение без насилия. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017.
- Марей А. В.* О Боге и его наместниках : христианская концепция власти // Полития. — 2019. — № 2. — С. 85–107.
- Марей А. В.* Представление о власти как объект исторического исследования : к постановке проблемы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 7, № 3. — С. 152–173.
- Оливекрона К.* Право как факт / пер. с англ. Е. Ю. Таранченко // Российский ежегодник теории права. — 2009. — № 1. — С. 669–752.
- Оливекрона К.* Возможно ли социологическое объяснение права? // Петербургская школа философии права : к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. — СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2018. — С. 387–417.
- Ориу М.* Основы публичного права : монография / пер. с фр., под ред. Е. Б. Пашуканиса, Н. И. Челяпова. — М. : Инфра-М, 2013.
- Остин Д.* Определение области юриспруденции. Курс лекций по юриспруденции «Философии позитивного права». Ч. 1. О пользе изучения юриспруденции / под ред. А. М. Михайлова ; пер. с англ. А. М. Корженяк, А. П. Зройчиковой, С. Н. Касаткина. — СПб. : Алетейя, 2022.
- Палиенко Н. И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. — Ярославль : Типография губернского правления, 1903.
- Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб. : Лань, 2000.
- Поляков А. В.* Марксистское правоведение в послереволюционный период // История политических и правовых учений. Учебник / И. Ю. Козлихин, А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. — СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007. — С. 839–848.
- Поппер К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути. — М. : Эдиториал УРСС, 2002.
- Поппер К. Р.* Знание и психофизическая проблема : в защиту взаимодействия / пер. с англ. И. В. Журавлева. — М. : ЛКИ, 2008.
- Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. — Волгоград : Учитель, 2006.
- Рассел Б.* Власть : новый социальный анализ / пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Институт Гайдара, 2024.

- Рейснер М. А.* Государство. Ч. I. Идеология и метод. — 2-е изд. — М. : Издание Социалистической Академии общественных наук, 1918.
- Рейснер М. А.* Государство буржуазии и РСФСР. — Петроград : Государственное издательство, 1923.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или Принципы политического права / пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова // Трактаты. — М. : Наука, 1969. — С. 151–256.
- Самойлюк Р. Н.* Соотношение государственной и публичной власти // Наука. Мысль. — 2015. — № 4. — С. 27–37.
- Сорокин П. А.* Организованная группа (институт) и правовые нормы / пер. с англ. А. А. Краевского // Петербургская школа философии права : к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. — СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2018. — С. 600–627.
- Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства // Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. — Сыктывкар : Анбур, 2019. — С. 21–192.
- Сорокин П. А.* Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии / под ред. В. В. Сапова ; пер. с англ. Н. Ф. Зюзева. — Сыктывкар : Анбур, 2022.
- Тарановский Ф. В.* Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии : историко-методологическое исследование. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1904.
- Тимашев Н. С.* Как я стал социологом // Методологические работы : 1920–1930 годы. — М. : Наука, 2010а. — С. 44–52.
- Тимашев Н. С.* Феномен власти / пер. с англ. И. В. Троцук // Методологические работы : 1920–1930 годы. — М. : Наука, 2010б. — С. 132–147.
- Тимашев Н. С.* Право как коллективно-психологическая реальность // Правоведение. — 2016. — № 1. — С. 189–209.
- Тимашев Н. С.* Введение в социологию права / пер. с англ. М. В. Антонова, Н. В. Мокшанцева. — СПб. : Алеф-Пресс, 2021.
- Три царства права : действительность, действенность, легитимность / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, В. Е. Кондуров, А. А. Краевский. — СПб. : СПбГУ, 2023.
- Турицын И. В., Упоров И. В.* Теоретическая конструкция публичной власти и ее конституционно-правовое преломление в России // Право и практика. — 2015. — № 2. — С. 4–10.
- Упоров И. В., Яблонский И. В.* Признаки публичной власти // Общество и право. — 2021. — № 4. — С. 122–128.
- Филлипов А. Ф.* Власть // Философские науки. — 2019. — Т. 62, № 10. — С. 139–159.

- Фома Аквинский*. Сумма теологии. Т. I. Первая часть. Вопросы 65–119 / под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова ; пер. с лат. А. В. Апполонова. — М. : Савин С. А., 2007.
- Фома Аквинский*. Сумма теологии. Т. IV. Первая часть Второй части. Вопросы 68–114 / под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова ; пер. с лат. А. В. Апполонова. — М. : Либроком, 2012.
- Фреге Г.* Мысль. Логическое исследование // Логика и логическая семантика / под ред. З. А. Кузичевой ; пер. с нем. Б. В. Бирюкова. — М. : Аспект Пресс, 2000а. — С. 326–342.
- Фреге Г.* Отрицание. Логическое исследование // Логика и логическая семантика / под ред. З. А. Кузичевой ; пер. с нем. Б. В. Бирюкова. — М. : Аспект Пресс, 2000b. — С. 343–355.
- Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. — СПб. : СПбГУ, 2007.
- Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права // Избранное. В 6 т. Т. 4. — М. : Статут, 2016. — С. 8–69б.
- Шмитт К.* О трех видах юридического мышления // Государство : право и политика / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. — М. : Территория будущего, 2013. — С. 307–355.
- Шмитт К.* Разговор о власти и доступе к властителю / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова ; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб. : Наука, 2016. — С. 415–432.
- Bentham J.* A Fragment on Government. — Oxford : Clarendon Press, 1891.
- Duguit L.* Law in the Modern State / trans. from the French by F. Laski, H. Laski. — New York : B. W. Huebsch, 1919.
- Hägerström A.* Inquiries into the Nature of Law and Morals. — Uppsala : Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1953.
- Kelsen H.* General Theory of Law and State. — New Brunswick : Transaction Publishers, 2005.
- MacCormick N.* Questioning Sovereignty : Law, State and Nation in European Commonwealth. — Oxford : Oxford University Press, 1999.
- Schmitt C.* Constitutional Theory / trans. from the German by J. Seitzer. — Durham, London : Duke University Press, 2008.
- Weinberger O.* Law, Institution and Legal Politics : Fundamental Problems of Legal Theory and Social Philosophy. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1991.

Kraevsky, A. A. 2025. "Ponyatiye publichnoy vlasti v filosofii prava [The Concept of Public Power in Legal Philosophy]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (2), 175–206.

ARSENY KRAEVSKY

PHD IN LAW

ASSOCIATE PROFESSOR

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY (ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6112-7417

THE CONCEPT OF PUBLIC POWER IN LEGAL PHILOSOPHY

Submitted: Jan. 10, 2025. Reviewed: Feb. 08, 2025. Accepted: Apr. 14, 2025.

Abstract: The article studies the concept of public power in the philosophy of law. The concept of power (*potestas*) should be distinguished from the closely related concepts of imperium and authority (*auctoritas*), which are of Roman origin, as well as from the Germanic concept of *Herrschaft*. In the history of legal and political thought, four main concepts of power can be distinguished. The volitional theory, which identifies power as the will, is initially based on the transfer of the Christian doctrine of the Church governed by the Holy Spirit to the state and its ruler and assumes the a priori unity of the state will. The psychological theory of power, on the contrary, emphasizes subordination on the part of the subjects. The social behaviorist concept treats power as a social fact—a relationship within the framework of which one party is subordinated to the other. The legal understanding of power, in turn, considers power as a legal (normative) phenomenon. The author believes that the main concepts of power reflect different sides of this social phenomenon. To explain public power as a social phenomenon it is proposed to refer to the theory of three realms of law. In this understanding, power can be considered as a normative phenomenon (a set of empowering norms), a psychological phenomenon (legitimacy) and an empirically perceived phenomenon (actual behavior).

Keywords: Public Power, State Power, Power and Law, Will Theory of Power, Psychological Theory of Power, Juridical Theory of Power, Competence, Three Realms of Law Theory.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-175-206.

REFERENCES

- Alekseyev, A. S. 1894. *K ucheniyu o yuridicheskoy prirode gosudarstva i gosudarstvennoy vlasti* [To the Doctrine of the Legal Nature of the State and State Power] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tipo-litografiya Vysochayshe utverzhdenного Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko [Typo-lithography of the Highly Approved Partnership of I. N. Kushnerev & Co.].
- Austin, J. 2022. *O pol'ze izucheniya yurisprudentsii* [On the Benefits of Studying Law] [in Russian]. Bk. 1 of *Opredeleyeniye oblasti yurisprudentsii. Kurs lektsiy po yurisprudentsii "Filosofii pozitivnogo prava"* [The Province of Jurisprudence Determined], ed. by A. M. Mikhaylov, trans. from the English by A. M. Korzhenyak, A. P. Zroychikova, and S. N. Kasatkin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Bentham, J. 1891. *A Fragment on Government*. Oxford: Clarendon Press.
- Bodin, J. 2021. *Ob ustroystve gosudarstv* [De statu Rerum publicarum] [in Russian]. Vol. II of *Metod legkogo chteniya istoriy* [Methodus ad facilem historiarum cognitionem], trans. from the Latin by I. V. Krivushin and Ye. S. Krivushina. 3 vols. Moskva [Moscow]: VSh-E [HSE Publishing House].

- Comte, A. 2003. *Dukh pozitivnoy filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [Spirit of Positive Philosophy. Discours sur l'esprit positif]* [in Russian]. Trans. from the French by I. A. Shapiro. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Davidov, D. S., and R. N. Samoylyuk. 2020. "Issledovaniye sootnosheniya ponyatiy gosudarstvennoy i publichnoy vlasti [The Study of the Correlation Between the Concepts of State and Public Power]" [in Russian]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*, no. 1, 18–21.
- Dement'yeva, V. V. 2005. "Magistrat-skaya vlast' Rimskoy respubliki [Magisterial Power in Roman Republic]: soderzhaniye ponyatiya imperium [The Meaning of imperium]" [in Russian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, no. 4, 46–75.
- Duguit, L. 1919. *Law in the Modern State [Les transformations du droit public]*. Trans. from the French by F. Laski and H. Laski. New York: B. W. Huebsch.
- . 2016. *Konstitutsionnoye pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva [Manuel de droit constitutionnel: théorie générale de l'état]* [in Russian]. Trans. from the French by A. Yashchenko, V. Krasnokut'skiy, and B. Syromyatnikov. Moskva [Moscow]: Infra-M.
- Filippov, A. F. 2019. "Vlast' [Power]" [in Russian]. *Filosofskiyi nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]* 62 (10): 139–159.
- Frege, F. L. G. 2000a. *Logika i logicheskaya semantika [Schriften zur Logik und logischen Semantik]* [in Russian]. Ed. by Z. A. Kuzicheva. Trans. from the German by B. V. Biryukov. Moskva [Moscow]: Aspekt Press.
- . 2000b. "Mysl'. Logicheskoye issledovaniye [Der Gedanke. Eine Logische Untersuchung]" [in Russian]. In *Logika i logicheskaya semantika [Schriften zur Logik und logischen Semantik]*, ed. by Z. A. Kuzicheva, trans. from the German by B. V. Biryukov, 326–342. Moskva [Moscow]: Aspekt Press.
- . 2000c. "Otritsaniye. Logicheskoye issledovaniye [Die Verneinung. Eine Logische Untersuchung]" [in Russian]. In *Logika i logicheskaya semantika [Schriften zur Logik und logischen Semantik]*, ed. by Z. A. Kuzicheva, trans. from the German by B. V. Biryukov, 343–355. Moskva [Moscow]: Aspekt Press.
- Gessen, V. M. 1897. *Yuridicheskoye napravleniye v gosudarstvennom prave [Legal Movement in State Law]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata [Printing House of the Governing Senate].
- Grachev, N. I. 2020. "Publichnaya vlast' kak politiko-pravovaya kategoriya [Public Power as a Political and Legal Category]: ponyatiye, osnovnyye priznaki i formy [Concept, Main Features and Forms]" [in Russian]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii [Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the interior of Russia]*, no. 4, 8–18.
- Grinin, L. Ye., et al., eds. 2006. *Ranneye gosudarstvo, yego al'ternativy i analogi [The Early State, Its Alternatives and Analogues]: sbornik statey [Collection of Articles]* [in Russian]. Volgograd: Uchitel'.
- Hägerström, A. 1953. *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Uppsala: Almqvist & Wiksell's Boktryckeri AB.
- Hart, H. L. A. 2007. *Ponyatiye prava [The Concept of Law]* [in Russian]. Trans. from the English by Ye. V. Afonasin et al. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: SPbGU [SPbU Publishing House].
- Hauriou, M. 2013. *Osnovy publichnogo prava [Principes de droit public]: monografiya* [in Russian]. Ed. and trans. from the French by Ye. B. Pashukanis and N. I. Chelyapov. Moskva [Moscow]: Infra-M.
- Hegel, G. W. F. 1990. *Filosofiya prava [Grundlinien der Philosophie des Rechts]* [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl'.

- Hobbes, Th. 2001. *Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [*Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*] [in Russian]. Trans. from the English by A. Guterman. M.: Mysl'.
- Jellinek, G. 2004. *Obshcheye ucheniye o gosudarstve* [*Allgemeine Staatslehre*] [in Russian]. Ed. by V. M. Gessen and L. V. Shalland. Trans. from the German by V. M. Gessen and L. V. Shallanda. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yuridicheskiy tsentr Press [Legal Center Press].
- Jouvenel, B. de. 2011. *Vlast' [Du pouvoir]: yestestvennaya priroda yeye vozrastaniya* [*Histoire naturelle de sa croissance*] [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Gaydamaka and A. V. Mateshuk. Moskva [Moscow]: IRIS-EN.
- Kalugina, N. V. 2019. "K voprosu o sootnoshenii ponyatiy gosudarstvennoy i publichnoy vlasti [On the Relationship Between the Concepts of State and Public Authority]" [in Russian]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], nos. 5–1, 189–191.
- Katkov, V. D. 1901. *Nauka i filosofiya prava?* [*The Science and Philosophy of Law?*] [in Russian]. Berlin: Izdaniye knizhnogo magazina Shtura [Publication of the Shur Bookstore].
- Kelsen, H. 2005. *General Theory of Law and State*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- . 2015. *Chistoye ucheniye o prave* [*Reine Rechtslehre*] [in Russian]. Trans. from the German by M. V. Antonov and S. V. Lezov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Alef-Press.
- Kofanov, L. L., ed. and trans. 2002. [in Russian]. Vol. 1 of *Digesty Yustiniana* [*Digesta*]. 8 vols. Moskva [Moscow]: Statut.
- . ed. and trans. 2005. *Polutom 2* [*Half Volume 2*] [in Russian]. Vol. 7 of *Digesty Yustiniana* [*Digesta*]. 8 vols. Moskva [Moscow]: Statut.
- Kojève, A. 2006. *Ponyatiye Vlasti* [*The Concept of Power*] [in Russian]. Trans. from the French by A. M. Rutkevich. Moskva [Moscow]: Praksis.
- Korkunov, N. M. 1894. *Ukaz i zakon* [*Decree and Law*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stacyulevicha [Printing House of M. M. Stasyulevich].
- Krayevskiy, A. A. 2024. "Ponyatiye gosudarstvennogo organa kak teoretiko-pravovaya i yuridiko-dogmaticheskaya problema [The Concept of State Organ as a Theoretical and Dogmatic Problem]" [in Russian]. *Pravovedeniye* [*Legal Science*] 68 (4): 536–550.
- Krivushin, I. V., and Ye. S. Krivushina. 2021. "Kommentarii [Commentaries]" [in Russian]. In *Ob ustroystve gosudarstv* [*De statu Rerum publicarum*], vol. II of *Metod legkogo chteniya istoriy* [*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*], by J. Bodin, trans. from the Latin by I. V. Krivushin and Ye. S. Krivushina, 139–515. 3 vols. Moskva [Moscow]: VSh-E [HSE Publishing House].
- MacCormick, N. 1999. *Questioning Sovereignty: Law, State and Nation in European Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press.
- Magaziner, Ya. M. 1922. *Obshcheye ucheniye o gosudarstve* [*General Theory of State*]: kurs lektsiy, chitannykh v Petrogradskom universitete v 1918–1922 g. [*A Course of Lectures Given at the Petrograd University in 1918–1922*] [in Russian]. 2nd ed. Petrograd: Kooperatsiya [Cooperation].
- Marey, A. V. 2017. *Autoritet, ili Podchineniye bez nasiliya* [*Authority, or Obidience without Violence*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburg [European University at St. Petersburg Press].
- . 2019. "O Boge i yego namestnikakh [About God and His Vicars]: khristianskaya kontseptsiya vlasti [Christian Concept of Power]" [in Russian]. *Politiya* [*Politeia*], no. 2, 85–107.
- . 2023. "Predstavleniye o vlasti kak ob"yekt istoricheskogo issledovaniya [Ideas about Power as an Object of Historical Research]: k postanovke problemy [Approaches to the

- Problem]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 7 (3): 152–173.
- Olivecrona, K. 2009. “Pravo kak fakt [Law as Fact]” [in Russian], trans. from the English by Ye. Yu. Taranchenko. *Rossiyskiy yezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Legal Theory], no. 1, 669–752.
- . 2018. “Vozmozhno li sotsiologicheskoye ob’yasneniye prava? [Is a Sociological Explanation of Law Possible?]” [in Russian]. In *Peterburgskaya shkola filosofii prava* [Saint Petersburg School of Legal Philosophy]: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya L’va Petrazhitskogo [To the 150th Anniversary of the Birth of Leon Petrażycki], ed. by A. V. Polyakov and Ye. V. Timoshina, 387–417. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sankt-Peterburgskiy universitet [SPbU Publishing House].
- Paliyenko, N. I. 1903. *Suverenitet. Istoricheskoye razvitiye idei suvereniteta i yeye pravovoye znacheniy* [Sovereignty. Historical Development of the Idea of Sovereignty and Its Legal Significance] [in Russian]. Yaroslavl’: Tipografiya gubernskogo pravleniya [Printing House of Provincial Government].
- Petrzhitskiy, L. I. 2000. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey nraustvennosti* [Theory of Law and State in Relation to Moral Theory] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Lan’.
- Polyakov, A. V. 2007. “Marksist-skoye pravovedeniye v poslerevolutsionnyy period [Marxist Jurisprudence in the Post-revolutionary Period]” [in Russian]. In *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Uchebnik* [History of Political and Legal Theories. Textbook], by I. Yu. Kozlikhin, A. V. Polyakov, and Ye. V. Timoshina, 839–848. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sankt-Peterburgskiy universitet [SPbU Publishing House].
- Polyakov, A. V., and Ye. V. Timoshina, eds. 2018. *Peterburgskaya shkola filosofii prava* [Saint Petersburg School of Legal Philosophy]: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya L’va Petrazhitskogo [To the 150th Anniversary of the Birth of Leon Petrażycki] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sankt-Peterburgskiy universitet [SPbU Publishing House].
- Popper, C. R. 2002. *Ob’yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective Knowledge. An Evolutionary Approach] [in Russian]. Trans. from the English by D. G. Lakhuti. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- . 2008. *Znaniye i psikhofizicheskaya problema* [Knowledge and the Mind-Body Problem]: v zashchitu vzaimodeystviya [In Defence of Interaction] [in Russian]. Trans. from the English by I. V. Zhuravlev. Moskva [Moscow]: LKI.
- Reysner, M. A. 1918. *Ideologiya i metod* [Ideology and Method] [in Russian]. Bk. I of *Gosudarstvo* [The State], 2nd ed. Moskva [Moscow]: Izdaniye Sotsialisticheskoy Akademii Obshchestvennykh nauk [Edition of the Socialist Academy of Social Sciences].
- . 1923. *Gosudarstvo burzhuazii i RSFSR* [The State of the Bourgeoisie and the RSFSR] [in Russian]. Petrograd: Gosudarstvennoye izdatel'stvo [State Publishing].
- Rousseau, J.-J. 1969. *Ob Obshchestvennom dogovore ili Printsipy politicheskogo prava* [Du contrat social, ou Principes du droit politique] [in Russian]. In *Traktaty*, trans. from the French by A. D. Khayutin and V. S. Alekseyev-Popov, 151–256. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Russell, B. 2024. *Vlast' [Power]: novyy sotsial'nyy analiz* [A New Social Analysis] [in Russian]. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara [Gaidar Institute Publishing].
- Samoylyuk, R. N. 2015. “Sootnosheniye gosudarstvennoy i publichnoy vlasti [Relationship Between State and Public Power]” [in Russian]. *Nauka. Mysl'* [Science. Thought], no. 4, 27–37.

- Schmitt, C. 2008. *Constitutional Theory [Verfassungslehre]*. Trans. from the German by J. Seitzer. Durham and London: Duke University Press.
- . 2013. "O trekh vidakh yuridicheskogo myshleniya [Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens]" [in Russian]. In *Gosudarstvo [The State] : pravo i politika [Law and Politics]*, trans. from the German by O. V. Kil'dyushov, 307–355. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- . 2016. "Razgovor o vlasti i dostupe k vlastitelyu [Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber]" [in Russian]. In *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]*, ed. and trans. from the German by A. F. Filippov, 415–432. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Shershenevich, G. F. 2016. "Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]" [in Russian]. In vol. 4 of *Izbrannoye [Selected Works]*, 8–696. 6 vols. Moskva [Moscow]: Statut.
- Sorokin, P. A. 2018. "Organizovannaya gruppa (institut) i pravovyye normy [The Organized Group (Institution) and Law-Norms]" [in Russian]. In *Peterburgskaya shkola filosofii prava [Saint Petersburg School of Legal Philosophy] : k 150-letiyu so dnya rozhdeniya L'va Petrazhitskogo [To the 150th Anniversary of the Birth of Leon Petrazycki]*, ed. by A. V. Polyakov and Ye. V. Timoshina, trans. from the English by A. A. Krayevskiy, 600–627. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sankt-Peterburgskiy universitet [SPbU Publishing House].
- . 2019. "Elementarnyy uchebnik obshchey teorii prava v svyazi s teoriyey gosudarstva [Elementary Textbook of the General Theory of Law in Connection with the Theory of State]" [in Russian]. In *Populyarnyye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsial'noy pedagogiki [Popular Essays in Legal Theory, Sociology and Social Pedagogy]*, 21–192. Syktyvkar: Anbur.
- . 2022. *Obshchestvo, kul'tura i lichnost': ikh struktura i dinamika. Sistema obshchey sotsiologii [Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology]* [in Russian]. Ed. by V. V. Sapov. Trans. from the English by N. F. Zyuzev. Syktyvkar: Anbur.
- Taranovskiy, F. V. 1904. *Yuridicheskii metod v gosudarstvennoy nauke. Ocherk razvitiya yego v Germanii [Legal Method in State Science. An Outline of Its Development in Germany]: istoriko-metodologicheskoye issledovaniye [Historical and Methodological Study]* [in Russian]. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga [Printing House of the Warsaw Educational District].
- Thomas Aquinas. 2007. *Pervaya chast'. Voprosy 65–119 [Prima Pars. Quaestiones 65–119]* [in Russian]. Vol. I of *Summa teologii [Summa Theologiae]*, ed. by N. Lobkovits and A. V. Appolonov, trans. from the Latin by A. V. Appolonov. Moskva [Moscow]: Savin S. A.
- . 2012. *Pervaya chast' Vtoroy chasti. Voprosy 68–114 [Prima Secundae. Quaestiones 68–114]* [in Russian]. Vol. IV of *Summa teologii [Summa Theologiae]*, ed. by N. Lobkovits and A. V. Appolonov, trans. from the Latin by A. V. Appolonov. Moskva [Moscow]: Librokom.
- Timashev, N. S. 2010a. "Fenomen vlasti [The Power Phenomenon]" [in Russian]. In *Metodologicheskiye raboty [Methodological Works] : 1920–1930 gody [1920–1930]*, trans. from the English by I. V. Trotsuk, 132–147. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2010b. "Kak ya stal sotsiologom [How I Became a Sociologist]" [in Russian]. In *Metodologicheskiye raboty [Methodological Works] : 1920–1930 gody [1920–1930]*, 44–52. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2010c. *Metodologicheskiye raboty [Methodological Works]: 1920–1930 gody [1920–1930]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.

- . 2016. “Pravo kak kollektivno-psikhologicheskaya real’nost’ [Law as a Collective-psychological Reality]” [in Russian]. *Pravovedeniye [Legal Science]*, no. 1, 189–209.
- . 2021. *Vvedeniye v sotsiologiyu prava [Introduction to the Sociology of Law]* [in Russian]. Trans. from the English by M. V. Antonov and N. V. Mokshantsev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Alef-Press.
- Timoshina, Ye. V., et al. 2023. *Tri tsarstva prava [The Three Realms of Law]: deystvitel’nost’, deystvennost’, legitimnost’ [Validity, Effectiveness, Legitimacy]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: SPbGU [SPbU Publishing House].
- Turitsyn, I. V., and I. V. Uporov. 2015. “Teoreticheskaya konstruktsiya publichnoy vlasti i yeye konstitutsionno-pravovoye prelomleniye v Rossii [Theoretical Constructs Public Authority and Its Constitutional Legal Refraction in Russia]” [in Russian]. *Pravo i praktika [Law and Practice]*, no. 2, 4–10.
- Uporov, I. V., and I. V. Yablonskiy. 2021. “Priznaki publichnoy vlasti [Features of Public Power]” [in Russian]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, no. 4, 122–128.
- Weber, M. 2016. *Sotsiologiya [Soziologie]* [in Russian]. Vol. 1 of *Khozyaystvo i obshchestvo [Wirtschaft und Gesellschaft]: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Grundriß der verstehenden Soziologie]*, ed. by L. G. Ionin, trans. from the German by A. N. Belyayev et al. 4 vols. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- . 2019a. *Gospodstvo [Herrschaft]* [in Russian]. Vol. 4 of *Khozyaystvo i obshchestvo [Wirtschaft und Gesellschaft]: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Grundriß der verstehenden Soziologie]*, ed. by L. G. Ionin, trans. from the German by A. N. Belyayev et al. 4 vols. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- . 2019b. “Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya [Soziologische Grundbegriffe]” [in Russian]. In *Vlast’ i politika [Power and Politics]*, ed. and trans. from the German by A. F. Filippov, 327–410. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Weinberger, O. 1991. *Law, Institution and Legal Politics: Fundamental Problems of Legal Theory and Social Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.